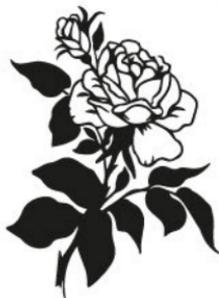

ЕВФИМИЯ
ФОН АДЛЕРСФЕЛЬД-БАМЕСТРЕМ

БЕЛЫЕ РОЗЫ
РАВЕНСБЕРГА

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 811.112.2
ББК 84(4Гем)-44
А31

Eufemia von Adlersfeld-Ballestrem
DIE WEIBEN ROSEN VON RAVENSBERG

Перевод с немецкого Елены Адаменко
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой
Оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Адлерсфельд-Баллестрем Е. фон

А31 Белые розы Равенсберга : роман / Евфимия фон Адлерсфельд-Баллестрем ; пер. с нем. Е. Адаменко. — М. : Иностранка, Издательство АЗБУКА, 2026. — 640 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-29906-1

Германия, конец XIX века. Камера смертницы. Молодая баронесса Мари фон Равенсберг ожидает казни за убийство мужа — король отказался ее помиловать. Ее последняя мольба обращена к брату, Людвигу фон Эрленштайну: несчастная просит взять на попечение и воспитать как собственного ребенка ее маленькую дочь. Сворачивается казнь.

Проходит девятнадцать лет. Юные дочери графа Эрленштайна, Ирис и Зигрид, ведут активную светскую жизнь. У них нет отбоя от поклонников. Однажды на рауте появляется граф Марсель Хохвальд. Он уже не молод и меланхоличен, однако внезапно вспыхнувшая любовь к очаровательной Ирис согревает его сердце. Граф просит у Эрленштайна руки его дочери и узнает тайну происхождения девушки...

«Белые розы Равенсберга» — готический роман, увлекательная многофигурная сага с отлично прописанной интригой и замечательными комическими персонажами второго плана, в которой детально реконструирована атмосфера жизни немецкой аристократии конца XIX века, — горячо рекомендуется поклонникам творчества Джейн Остин и Шарлотты Бронте.

УДК 811.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-29906-1

© Е. А. Адаменко, перевод, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2026
Издательство Иностранка®

Введение

Огромное неказистое строение с окнами, забранными решеткой, и крепостными по виду воротами было не замком, назначение которого — борьба с врагом, а тюрьмой с бесчисленными камерами-одиночками. В одной из них перед узким зарешеченным окном стояла молодая женщина. Она ощущала легкое движение воздуха в своих белокурых волосах и сухими холодными глазами смотрела на кусочек синего неба, видневшийся там, где наконец заканчивалась серая стена, окружавшая тюрьму, — эта ужасная стена, способная, казалась, дотянуться до небес.

Молодая женщина смотрела ввышину, пока не заболели глаза и ей не пришлось перевести взгляд вниз, туда, где рос дикий виноград, оттенивший серый камень прелестью вечно нарядной природы. Побегу густо взбирались по голой стене, и так как дело было осенью, прежде темно-зеленая листва теперь стала красной.

— Будто кровью облита, — произнесла она, содрогнувшись, и отвернулась.

Но и в узкой камере не нашлось ничего более отрадного, чем вид растений снаружи: голые побеленные сте-

ны, низкая, узкая и жесткая кровать с чистым, но грубым льняным бельем, тазик и кувшин на табуретке, в центре — стол и стул перед ним, на столе чернильница, перья и пара листов дешевой бумаги. Больше ничего.

И в этой обстановке такая женщина! Высокая, стройная, властная — как королева, а отнюдь не узница, стояла она в тесной комнатухе и, казалось, озаряла ее светом своих глаз и металлическим блеском светлых волос. Ее прекрасное лицо в долгом заключении осунулось и побледнело, но, пожалуй, оттого стало еще прекраснее, и руки, которые она сейчас беспокойно сжимала, оставались лилейно-белыми, изящными, ухоженными и благородной формы — руками знатной дамы, не знавшей более тяжелого труда, чем вышивать золотом и серебром, плести кружева или играть на фортепиано. Как такая женщина оказалась в тюремной камере, в одиночном заключении?

— Это невыносимо! — простионала она.

Она бросилась на стул у стола, начала нервно играть с пером. Взгляд ее упал и на бумагу. Она презрительно пробормотала:

— Писать! Этим невыносимым одиночеством, этой скукой хотят заставить меня делать записи. Можно подумать, я скомпрометировала себя хоть одной строкой! Уж лучше спать!

И она поднялась, чтобы тут же опуститься на кровать. Но при свете дня сон не шел к ней — он и ночью-то посещал ее довольно редко, и она с воспаленны-

ми глазами и с горячечным возбуждением в крови лежала на жестком ложе, не имея возможности зажечь свет, чтобы прогнать назойливые мысли или направить их в другое русло.

Эти мысли!

— Если бы только я смогла *не думать!* — просто-напросто села, не находя себе места, запустила тонкие белые пальцы в густую копну светлых волос. — Думать, вечно думать, всегда одно и то же! Одно и то же!.. Так теперь всегда и будет? А если я покину это ужасное место, эту темницу, если снова стану свободной, уважаемой, балованной — как прежде? Ну уж нет — нет, тогда все забуду. Ах, забыть бы уже сегодня!

Она снова опустила на убогую постель, закрыла лицо руками, содрогаясь всем телом, прекрасным телом, словно защищаясь от безымянного, неназываемого ужаса.

Снаружи по каменным плитам коридора кто-то прошагал, загремели ключи, и дверь камеры распахнулась. Но узница не подняла взора на вошедшего. Кто это может быть, кроме надзирателя, приносившего ей по-спартански простую еду, или женщины с водой и свежим бельем? Однако на этот раз не они вступили в комнату, а почтеннейший священник с убеленной сединами головой; весь его облик источал мягкость и доброту, которую редко встретишь среди детей этого мира, еще реже доброта оказывается деятельной. В руке он нес небольшую книгу в черном переплете и маленький

букет белых моховых роз¹, прекрасных осенних цветов. И то и другое являло собой любовь: он тихо опустил на стол открытую книгу — то был молитвенник, а белые розы на открытые страницы он возложил не как привет из мира, от которого узницу давно отрешили, но как красноречивое указание на величие, доброту и всемогущество Господа. Книгу и цветы священник прикрыв одним из лежавших на столе бумажных листов.

Тихий шорох бумаги заставил заключенную насторожиться — в камеру вошел не надзиратель! Вырванная из своих глухих грез, она нехотя поднялась и обнаружила себя стоящей перед священником, глаза в глаза. И тут вдруг она выпрямилась, ее красивое гордое лицо приняло странное выражение — в нем читалась смесь высокомерия, насмешки и гнева, глаза заблестели.

— Кто прислал вас ко мне? — спросила она с оскорбительной холодностью. — Я вас не звала!

Но тюремный священник, посещая камеры одиночного заключения, и не питает надежд на вежливые речи, на кротость. Смирение и раскаяние — это дары, которые он приносит с собой, дабы здесь, в этом месте, насадить их в зачастую безнадежно окаменевших и ожесточившихся сердцах. И потому в ответ на холодный прием он лишь кивнул.

— Нет, дочь моя, вы за мной не посылали, — сказал он мягко, — хоть я и ждал вашего зова с тоской

¹ Моховые розы — одна из разновидностей роз с крошечными мохообразными выростами на чашелистиках и цветоножках цветов.

в сердце, вымаливал его горячими молитвами — и напрасно!

— Все так, — ответила она еще более холодно и неприступно.

Тут он сделал еще шаг ей навстречу.

— Если я все же пришел к вам, дочь моя, — продолжил он, — то потому, что меня к вам направляют обязанности священника, моя совесть, мое сердце. И мой священный долг служителя церкви предстать перед вами и напомнить о тех последних вещах, к которым мы всегда должны быть приурочены...

— Благодарю вас, — перебила она его холодно и слегка качнула головой, словно королева, отсылающая подданного прочь. — Как только я почувствую потребность в духовном утешении, я позову вас, преподобный отец. — Потом добавила с насмешкой: — Боюсь только, что тогда я окажусь уже далеко и от этой тюрьмы, и от вас.

— Я тоже боюсь этого, — ответил пастор серьезно и печально. — Но тем не менее, дочь моя, я должен попытаться обратить ваше сердце к вечному, как требует от нас Бог для блаженства нашей бессмертной души. Мы знаем, что тем, кто Бога возлюбил, все будет во спасение¹, по словам апостола. Так что, дочь моя, откройте сердце, обратите его к Господу, ведь то, что

¹ ...Это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа... — Послание к Филиппийцам апостола Павла, 1: 19.

близорукому земному глазу представляется вершиной страдания, может пойти вам на пользу. Ибо вы не должны забывать, что земное правосудие приговорило вас к смерти!

— Простая формальность, преподобный отец, — возразила она ледяным тоном, сохраняя полную неподвижность, — всего лишь формальность. На свой манер она хороша и может произвести впечатление на неучей, которые под личиной ужасного не способны распознать безвредную суть происходящего. Меня же такая юридическая формальность не в состоянии ни напугать, ни обмануть. Мой защитник, конечно, тупица, и потому прокурор, выкрикивая одни лишь банальности, растоптал его... Но кто видел, чтобы я оттого дрожала или бледнела? Я смеялась!

— К сожалению, дочь моя, к сожалению, именно так вы и делали!

— К сожалению?

— Да, ибо это очень ухудшило для вас положение дел.

Теперь узница рассмеялась по-настоящему — тихим, мелодичным смехом, но все же он шел не от сердца:

— А, вы о том, как прокурор обернул это в своей речи, как энергично высказался о моей черствости, которая будто бы является доказательством вины? Это должно было меня утрашить?

С невыразимой печалью смотрел старый пастор на красивую молодую женщину.

— Я снова покидаю вас, дочь моя, — сказал он со вздохом, — ибо в теперешнем состоянии вашего сердца вы не стали бы меня слушать и отторгли бы мои слова столь же холодно, как пред земным судьей... Это так повредило вашим делам, что на милостивый приговор вы едва ли можете рассчитывать. Поэтому я ухожу, а вам оставляю книгу, содержание которой, возможно, тронет ваше сердце больше, чем мои простые слова. Пообещайте же мне прочесть то место в книге, которое я для вас открыл.

— Возможно, я сделаю это, возможно — нет, — небрежно ответила она.

— Хорошо, да будет так! И все же вы не знаете, сколько раз еще увидите ночь, — ночь, за которой до сих пор неизменно наступало утро, — произнес священник серьезно. — Солнце уже начало клониться к закату, и час за часом бегут очень быстро. Когда же для вас придет вечная ночь, тогда уж слишком поздно раскаиваться и молить о милосердии Божиим. Остановитесь! — продолжил он, повысив голос и словно отстраняя ее рукой, когда женщина, пожав плечами, скривила прелестный рот в неприятной усмешке. — Не эта высокомерная улыбка, дочь моя, не эта улыбка — ваше оружие против душевной боли, против обычного для живого существа страха смерти, против земного правосудия! Но меня вы не обманете, ибо я тяжким трудом научился расшифровывать иероглифы человеческого облика, мне многое дано угадывать. И в ваших глазах я читаю вину и страх смерти, —

вину, хотя вы постоянно ее отрицаете, и страх смерти, несмотря на деланое равнодушие к приговору, который повергает ниц и укрощает даже сильных мужчин.

— Труссы, — бросила она, неподвижная, спокойная, будто говорила о том, что никоим образом ее не касалось. — Я не могу, преподобный отец, помешать вам читать в моих чертах все, что вам заблагорассудится, но в эту ловушку вам меня не поймать, как не попалась я и во все остальные. Все обвинения против меня абсурдны, приговор — тем более, и в любой момент я могу оказаться на свободе по милостивому указу короля, в котором мое имя будет написано большими буквами. К чему же тогда волноваться?

Тут священник отвернулся.

— Бог посылает вам свой свет, — сказал он, — ибо вы услышать Его слово еще не готовы. Прочтите то, что я отметил там, в книге... Возможно, прежде чем окончательно наступит вечер, я снова буду у вас, и сквозь туман мирского прорвется луч света, который вы все же узрите и который обещан даже грешнику во искупление грехов.

И с тем он отвернулся и стукнул в дверь, которую тут же для него распахнули, но стоило пастору переступить порог, как следом вошел другой посетитель, которого до камеры сопровождал лично директор тюрьмы. Этот посетитель, еще молодой мужчина, был лет на десять лет старше узницы и так на нее похож, как могут походить друг на друга только братья и сестры. Он был столь же прекрасен в мужском обличье, как она — в женском,

в чертах и во всем существе обоих читались очевидные приметы благородного происхождения. Бледный от волнения, он вступил в камеру, и едва она его заметила, как тут же бросилась навстречу с криком радости.

— Людвиг! Брат! — засмеялась она счастливо и распахнула руки, и голос ее звенел почти невыносимым нервным напряжением. — Пришел наконец? Принес мне свободу?

Каким бы ни был его ответ, давать его не пришлось: когда узница устремилась навстречу вошедшему, она задела лист бумаги, которым священник прикрыв раскрытый на нужном месте молитвенник и розы, положенные туда со всей нежностью его теплого пастырского сердца. И вот, когда бумага слетела от ее быстрого движения, взгляд ее невольно упал на книгу и цветы — и тут с ее щек схлынула краска, и женщина с отчаянием вытянула руки, как будто обороняясь от нежных, с сильным ароматом цветов.

— Белые розы Равенсберга! — вскрикнула она резко и потом хриплым шепотом нерешительно повторила: — Белые розы Равенсберга! По легенде, мужчинам и женщинам, сынам и дочерям дома Равенсберга, белые розы предвещают смерть. Как оказались белые розы на его покрывале, когда... когда он умер? Они там были, я видела — он потянулся к ним в последний момент. Был май. А теперь уж осень...

Холодной, дрожащей рукой, робко и в то же время словно не в силах совладать с магнетическим притяжением, она схватила снежно-белые моховые розы

и механически прочла первые слова на открытой странице:

— Молитва за умирающего. Псалом сто двадцать девять. «Из глубины взываю к Тебе, Господи. Господи! услышь голос мой...»

Она резко оборвала чтение и повернула бледное лицо с широко открытыми застывшими глазами к мужчине, молча и печально стоявшему у нее за спиной. Его она с таким ликованием приветствовала — и вдруг забыла из-за белых роз.

— Мне и правда придется умереть, Людвиг? — спросила она тихо, мучительно надтреснутым голосом, ломая руки.

Мужчина глубоко вздохнул и подошел к ней вплотную.

— Да, — сказал он с усилием, но твердо. — Все кончено, надежды нет. Король отказался явить свою милость. Приговор будет приведен в исполнение.

Тут красивая, гордая женщина, которая еще четверть часа назад вела себя так вызывающе-пренебрежительно и так твердо верила в иной исход, упала на колени и закрыла руками голову.

— Умереть, умереть! Но я ведь еще так молода! — простонала она.

— Как и твой супруг... был... — выговорил он едва слышно.

Но она поняла. Поднялась и, как громом пораженная, отступила на несколько шагов назад.

— Я этого не делала, — прошептала она хрипло, но пугающе отчетливо.

Мужчина платком вытер со лба холодный пот.

— Подумай о вечности, Мария! Через несколько часов ты предстанешь перед Господом, и...

— Умереть... — перебила она его испуганно. — В самом деле умереть, и так скоро? Так скоро?..

— Король все же явил особое снисхождение: я могу сообщить тебе это, подготовить тебя еще до оглашения решения. Моя миссия, самая тяжелая в жизни, — просить короля о милости для тебя — потерпела неудачу. Пусть мое имя и позволило мне получить аудиенцию и его величество был милостив как никогда, он обсудил со мной каждую мелочь, частность, однако он остался тверд в одном пункте: нельзя мешать правосудию свершиться над виновной. Если бы ты признала свою вину, все еще можно было истолковать как заблуждение, помрачение; ты же все отрицала так ожесточенно, показала себя такой бесчувственной, так часто упоминала свою жертву и, несмотря на сокрушительную силу свидетельских показаний, отрицала все с такой невиданной дерзостью, что и судья, и общественное мнение отвернулись от тебя с возмущением, как от чудовища в человеческом обличье. Так что король не мог объявить о помиловании, ибо в таком случае поданные справедливо усмотрели бы в этом особое отношение к аристократии. Вину твою искупит только смерть, а помилование неминуемо вызвало бы народ-

ный ропот. Всему конец! Я пришел проститься с тобой, Мария!

Он протянул ей руку. Но она не заметила ее. Взгляд ее остекленел, она сцепила свои изящные, белые, прозрачные руки и едва слышно шептала, дрожа:

— Умереть! Умереть! О, эти белые розы Равенсберга!

Тогда мужчина решительно шагнул к ней.

— Да, умереть, — повторил он твердым голосом. — Мария, покажи, что ты из нашего рода, что ты Эрленштайн. Ибо никто еще из Эрленштайнов не дрогнул перед смертью, никто не входил в вечность через темные врата малодушным. Бог строгий судия, но Он также бесконечно добр и милосерден, Он сможет взрастить золотые зерна твоего сердца, которые мы, люди, своими слабыми глазами не увидели и которые могут превратиться для тебя в средство к вечной жизни. У тебя еще есть время для исповеди и раскаяния. И не забывай, что с землей тебя связывает еще одна нить: твое дитя.

Она вздрогнула, как громом пораженная.

— Дитя! — вскрикнула она. — Где она?

Впервые за все время заточения она упомянула о дочери.

— С ней все хорошо, — ответил он печально. — Я серьезно думал о том, чтобы принести ее тебе для прощания, но не захотел подвергать малышку опасностям долгого путешествия — слабо тлеющий огонек жизни слишком легко погасить. И вот, в утешение для момента, когда твое сердце могло бы обеспокоиться судьбой мла-

денца, сообщаю тебе: дитя под моей опекой, станет родным для меня. Милостью короля она получит мое имя, чтобы ей не пришлось с детства нести на себе каинов знак и чтобы это не отравило юную жизнь. Мы с женой покинем Германию на годы — на юге увидит свет наш собственный ребенок, твоему как раз исполнится годик. Мы станем родителями пары близнецов. На юге нас никто не знает, а когда мы вернемся, разница в год заметна уже не будет. Таков наш план, и мы клянемся стать любящими родителями, верными долгу, будто это наша плоть и кровь, и клянемся забыть, какое дитя наше собственное, а какое — твое. И пусть оно никогда и ничего не узнает о матери, даже если при этом в пучину вечно-го забвения канет также честное и незапятнанное имя ее отца. И даже если ничто не трогает твое сердце, Мария, то это должно задеть тебя как обоюдоострый меч: из-за тебя дочь не узнает имени своего отца, а ведь он был достоин любви. Теперь прощай!

— Прощай, — повторила она механически, не сводя глаз с белых роз, словно они были магнитом, приковавшим к себе все ее духовные силы.

Однако, прежде чем постучать в дверь, он подошел к сестре еще раз.

— И тебе нечего, действительно *ничего* мне сказать, Мария?

— Не делала я этого! — проговорила она быстро, но так и не взглянула на него.

— Мария, одумайся! Отпираться бесполезно, надежды больше нет. Ничто не сможет тебя спасти, ни-

что, ничто! И рано утром, когда солнце встанет, ты будешь уже по другую сторону его вечного сияния.

— Уже завтра? — вскричала она, и ее безутешный, ищущий взгляд устремился к окну. — Солнце клонится к закату — и лишь одна еще ночь?

— Лишь одна — последняя для тебя, — повторил он.

Она нервно ощупывала белые розы.

— Розы смерти Равенсберга, — шептала она. — Нет больше никакой надежды. Все минуло, все! Невинность, чистота, честь, любовь — ничего не осталось. — Она вскочила, прижала пальцы к пульсирующим вискам и заметалась по узкой камере. — Ничего! — повторила она. — Ничего, кроме ночи, и ужаса, и страха смерти. Конец! Как такое могло произойти? — спросила она робко и бесцветно, внезапно остановившись перед братом.

И он понял ее и от потрясения отвернулся. Однако и к ней пришло осознание.

— Значит, так? — спросила она едва слышно. И потом заговорила громко и равнодушно: — Да, я об этом читала и в театре никогда не могла сдержать слез, когда у Шиллера Мария Стюарт шла на казнь, а Лестер наверху все слышал¹. И кто заплачет обо мне? Лестера вовсе нет, однако он гонит меня на смерть. Сначала бархат, и шелк, и соболь, и драгоценности, а теперь... Плаха, топор и убогий гроб грешницы! Но

¹ Речь идет о пьесе Ф. Шиллера «Мария Стюарт» (1800), ее действие разворачивается за три дня до казни Марии Стюарт.

я еще так молода! Положите меня в усыпальницу или мое место за церковной оградой?

— Мария, Мария! — попросил он тихо. — Не надо об этом говорить. Возьми себя в руки! Время уходит!

— Да, солнце начинает садиться, — ответила она и подошла к столу, чтобы снова взять белые розы. — Еще один короткий час, и наступит ночь... Вечная ночь. Есть ли что-то по ту сторону?

— Обещанное самим Спасителем, Мария!

— Но никто ничего не знает об этом. В этой новой жизни нет вины, нет беды и нет конца? Сможем ли мы там увидеть тех, кто раньше нас прошел сквозь темные врата? И встречу ли я там его, будет ли он и там обвинять меня?

— Богу обвинители не нужны — Он твое деяние видел.

— Мое деяние! — повторила она. — Кто скажет мне, искупит ли это деяние моя смерть?

— Если ты раскаешься — конечно!

— Каяться! Что такое раскаяние? О, знаю я, знаю — это сожаление о былом грехе. Тогда я ни в чем не раскаиваюсь. Муки совести? Все эти чувства еще не пришли, ведь я ждала, ждала, что выйду из этих стен, ждала свободы — и все напрасно, напрасно. Не сможешь ли ты мне сбежать? — добавила она шепотом, украдкой, задержав дыхание и поблескивая глазами.

— Сбежать? — Он сочувственно улыбнулся. — Из этих стен? Сестра, это невозможно!

— Невозможно для тебя, да, это так, — продолжила она возбужденно, — но он, он мог бы сделать это для меня, он должен был бы освободить меня, ведь я сделала все для него, ради него! И ни единого слова от него за все это долгое время, ни единой строчки, ни одного письма...

— Мария, Мария, так правда то, что допускал обвинитель, что темное деяние ты осуществила ради кого-то другого?

— Я ничего не выдала — ни на мгновение, ни единым вздохом, — немедленно возразила она.

— Нет, его имя ты сумела скрыть...

— Конечно, теперь я могла бы отомстить и постфактум вывалить его имя в грязи, — сказала она горячо, но огонь тут же погас в ее глазах. — Но не помогло бы, ибо доказательств нет. Он безвinnen — ибо что с того, что он нечаянно меня искусил? Нет... Это имя я унесу с собой в могилу, в бедную могилу грешницы...

Шорох, раздавшийся у двери, вынудил мужчину прощаться.

— Прощай, Мария! — сказал он. — Пусть Господь будет для тебя милосердным судьей.

— Останься! — вскричала она. — Не оставляй меня одну — солнце садится, становится темно, и там, там, в темном углу, в кровати, там он лежит, с мертвенно-бледным лицом. Останься — я боюсь его. Видишь маленькое кровавое пятно там, на его виске? — прошептала она со страхом. — Мне приходится смотреть

на него ночь за ночью. Это раскаяние? Останься — ради бога, останься!

Однако дверь уже отворилась — еще один, последний взгляд, и потрясенный до глубины души, скрыв лицо, граф фон Эрленштайн покинул свою несчастную сестру, еще совсем недавно — многоуважаемую и почитаемую баронессу фон Равенсберг, которая в своей узкой камере впервые склонилась под гнетом ужасных обвинений — юная и прекрасная, цветущая, как майская роза, несмотря на месяцы заключения в темнице.

* * *

Луна, которая тихой ночью поднялась в небо, полное звезд, заглянула и в узкую камеру, где седой священник, полный кротости, сочувствия и священного пыла, стоял перед рыдающей юной женщиной и неумоимо проповедовал ей милость и благодать Господа.

Нежный свет луны постепенно растворился в опалово-бледном свечении занимающегося дня и, когда первые лучи провозгласили восход солнца, тихо и жалобно начал звенеть колокольчик, и в келье наверху священник начал читать молитву за умирающих.

* * *

Луна и звезды совсем поблекли. Цвета восхода окрасили стены тюрьмы в пурпур и золото. Солнце взошло, обещая славный день. Звон колокольчика затих. И когда сияющий властелин дня поднялся достаточно высоко и его победительные лучи пробрались за серые сте-

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ЕВФИМИЯ ФОН АДЛЕРСФЕЛЬД-БАЛЛЕСТРЕМ
БЕЛЫЕ РОЗЫ РАВЕНСБЕРГА

Руководитель проекта Антонина Галь
Ответственный редактор Янина Забелина
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Антонина Семенова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.02.2026.
Формат издания 76 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.
Усл. печ. л. 30,40. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» —	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,	ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Москва, вн. тер. г.	115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
муниципальный округ Даниловский,	Даниловский муниципалдық округі,
пер. Партийный, д. 1, к. 25	Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19	Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru	E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА»	Санкт-Петербург қ.,
в г. Санкт-Петербурге,	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,	191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А	Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55	Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru	E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: 8(49564) 28-619

R-GLD-39046-01-R